

◀ Алексей
и Клавдия
Перепеловы,
родители
Марии
Синявской

Плачет моя душа

В память о моем отце остались несколько коротких сведений: похоронка и запись в Книге памяти «Перепелов Алексей Николаевич, 1911 г., рядовой, Алтайский край. Призван в армию колпашевским РВК. Погиб в бою 24.03.43 г., Ленинградская обл., д. Степановка».

На войну отец уходил в июне 1942 года ранним утром. Почему в 1942? Да потому, что раскулаченных стали брать на фронт только по особому приказу. Отец вместе со своими родителями и сестрой Феклой в 1931 году были высланы из села Огни Алтайского края, а далее по реке Кеть до деревни Жигалово. Но жители Жигалово не дали согласия на жительство спецпереселенцев. Сосланным отвели место на таежном берегу у болот. Людей выгрузили на узенький мыс — а дальше тайга.

Кто выжил, вырубали лес, строили землянки, а потом рубили избы. Мой дед и бабушка не пережили морального надлома, один за другим в первые же месяцы ушли из жизни. И остался мой отец со старшей сестрой, больной, но необыкновенно мудрой женщиной.

С раннего детства отец помогал работать отцу-кузнецу, кузнечное дело освоил в совершенстве. Это-то и спасло их с сестрой от голодной смерти. Он умел делать все: глаза увидят, руки сделают. Все односельчане руки отца называли золотыми. К нему потянулись старожилы с просьбами и заказами: сделать капканы, рыболовные снасти, подковать коня, сделать или починить домашнюю утварь. Потом создали в деревне артель, построили заводик уксусно-кальциевого порошка, отец был востребован и на заводе.

Грамоту отец освоил самостоятельно, мог произвести самые сложные расчеты. Был сильным человеком — двухметровый красивый великан. Но не переносил вида крови (своей или чужой), сразу терял сознание. Не мог отрубить голову даже дурной курице. Был необыкновенно добросердечным: к людям, животным, к любым малым пичужкам.

Как все нормальные здоровые ребята, отец женился и радовался появлению в своей семье детей. Пока он был с нами, каждая минута нашего детства была радостной и счастливой. Мне пять лет, сестре три года, мы ждали отца с работы, как большого светлого праздника. Создать праздник он умел ярко и красиво: то принесет и насыпет на стол изюма, конфет или пряников. То подкинет нас под потолок и ловит, то затевает шумные игры.

▼ Младший брат Марии Владимир

Мудрая тетя Фекла ворчала на брата: «Алеша, ты бы умылся да поужинал, а то эти две азиатки готовы играть всю ночь». «Азиатки» у нее было слово ругательное, и называла она нас так, когда сердилась.

Удивительно, но все свое счастливое и короткое детство с отцом помню до мельчайших подробностей. Любимой игрой у нас с отцом были прятки и жмурки. Отец нас прятал, а потом сам же долго искал, при нем в доме царил радость и веселье. Иногда вечерами вместе со своим молотобойцем Иваном они работали дома, потом умывались, ужинали, Иван брал в руки баян, отец — балалайку, играли да пели. Иногда красивым сопрано им подпевала тетя Фекла.

▲ Сестра Марии Тамара

Перед самой войной отец построил новый дом, просторный и светлый. Но из этого большого дома вместе с отцом навсегда уйдут счастье и радость.

▲ Мария Синявская

Провожали отца ранним июньским утром, он поднял нас полусонных, чтобы проститься. Мама не плакала, а в истерике кричала, кричал в зыбке младший брат Вовка, ему было только месяц от роду. Отец уговаривал ее, чтобы она не пугала детей, обещал обязательно вернуться.

Тетя Фекла молилась и причитала: «Ну какой же ты вояка, боишься крови, будешь там падать в обмороки». Взятых колпашевцев этого призыва направляли воевать под Ленинград, где шли кро-

вопролитные бои. Получили от отца только два «треугольника». В первом письме он успокаивал маму и тетю, что привык ко всему: к виду крови относится уже спокойно, но невозможно привыкнуть к смертям товарищей, к тому же многие остаются на поле боя непохороненными. Отец был глубоко верующим, именно брошенные на поле боя солдаты были самым большим человеческим грехом, но и хоронить возможности не было.

Отец никогда не курил, не брал в рот спиртное. Писал, что ему легче, чем курящим; свою норму табака и спиртное отдавал ребятам, а они в знак благодарности подкармливали отца, большому человеку и требуется больше. Когда их призыв одедали в форму, отцу с трудом подобрали гимнастерку и галифе по росту. По этому поводу тетя молилась: «малому солдатику и в окопе спрятаться от пуль легче, а Алеше с его ростом в окопе тесновато, все голова будет высываться». В двух своих письмах наш отец только об одном просил маму: «Клаша, береги и учи детей». И это отцовское завещание из фронтового треугольника мы исполнили: получили достойное образование, все, что нужно для жизни, заработали своим трудом.

В трудные минуты жизни, когда душа плакала, а таких минут было много, я мысленно обращалась к отцу, уже погибшему, с отчаянной просьбой: «Помоги, если можешь». Куда-то отодвигались неразрешимые проблемы, приходило успокоение, грозные тучи проливались обильным дождем, и все входило в нормальное русло жизни.

Похоронка в наш дом пришла летом 1943 года. Почтальон корреспонденцию по домам не разносил, на въезде в деревню и на выезде раздавал письма у поскотины. Ожидающие с фронта вестей собирались здесь же, радовались добрым вестям с фронта или коллективно оплакивали каждую похоронку. Получив страшное известие, мама плакала громко и безутешно, а потом вдруг выпрямилась и твердо сказала: «Это ошибка, он живой, он не мог погибнуть». Оставшись вдовой в 27 лет с тремя детьми, она до самой смерти все ждала, что отец обязательно вернется. Ловила слухи о том, что где-то кто-то возвратился после похоронки.

А мы, военная безотцовщина, старались учиться и работать, без жалоб и нытья переносить все трудности и обиды. Для нас те суровые условия жизни стали своеобразной школой мужества, очень раннего взросления и умения выживать даже тогда, когда это было невозможно. Даже

сейчас страшно вспоминать, как иду в лютой мороз в школу в резиновых шахтерских калошах, которые привязаны к ногам веревочками. Ноги жутко мерзали, от простуды покрывались чирьями, следы от которых напоминают о себе и сегодня. Но ни одного учебного дня не пропускали. Уроки готовили при коптилках, писали чернилами из сажи и свекольного сока, радовались появлению химических чернил.

В душе мы очень завидовали тем, у кого были отцы, даже раненые или калеки. У моей одноклассницы Фани отец вернулся слепым с черным, обгоревшим, как уголь, лицом, но ей было гораздо легче жить. Отцовские дети были одеты и обуты, не испытывали жуткого унижения нищеты.

В трудные минуты жизни, когда душа плакала, а таких минут было много, я мысленно обращалась к отцу, уже погибшему, с отчаянной просьбой: «Помоги, если можешь». Куда-то отодвигались неразрешимые проблемы, приходило успокоение, грозовые тучи проливались обильным дождем, и все входило в нормальное русло жизни. Своим внукам часто говорю о том, как бы их любил прадед, как многому бы научил их. Радует то, что внуки моего отца достойно несут по жизни его доброе имя, а двое из них названы красивым именем деда — Алексей. Есть у нас и правнук Алеша. Внуков и внучек у моего отца шестеро, правнуков и правнучек и того больше. Пока все они ни в чем не подвели деда и прадеда: свою жизнь стараются строить по принципу высокой нравственности. Это главное.

27 января 2014 года исполнилось 70 лет снятия блокады Ленинграда. Обороняя этот город, мой отец остался навсегда на этой земле, в тысячах ки-

лометрах от родного дома. И ни у одной меня плачет душа от тех грозных далеких лет войны.

За свою жизнь сделала для себя неутешительные выводы: жизнь наших людей не становится главной ценностью для государства. Так не должно быть. Наука и техника развиваются как бы сами для себя, а иногда и во вред человеку, а человек столетиями остается где-то на обочине жизни.

Вот и спрашиваю своего отца: «Ну когда же власти повернутся лицом к нам, людям и помогут уверенно и гордо идти по жизни? Когда же будущее будет не туманным, а открытым, понятным и солнечным?»

Все, кто полегли на полях сражений, пали ради будущего своих детей. Но вот дети состарились и не дождалась простого, человеческого к себе уважения.

Сплошные политические перестройки. А все ломки только разрушают наши устои и ценности. Както с экрана телевизора цинично прозвучал вопрос о том — стоило ли оборонять Ленинград? Может, это намеренный плевок нам, чьи отцы лежат под Ленинградом? Поэт А. Парпара сказал:

*...Земля моя,
На годы лихолетья,
Не держишь зла, сердечная страна...*

Вот и мы, дети военной безотцовщины, не держим зла, а изо всех сил с оптимизмом надеемся на лучшее. П

*Мария СИНЯВСКАЯ, пос. Светлый,
фото предоставлены автором*

▲ Мария
Синявская
с сыном
Алексеем
и внуками